Археологические вести

— 29 —

Archaeological news

29
(2020)

Saint-Petersburg
2020

Археологические вести

29
(2020)

Санкт-Петербург
2020

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

Н. В. Хвощинская (главный редактор), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова

Редакторы-составители выпуска:

М. Ю. Вахтина, В. А. Горончаровский, Н. А. Павличенко

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 29** / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2020. — 392 с.: ил.

ISSN 1817-6976

В этот выпуск «Археологических вестей», приуроченный к 70-летию ведущего научного сотрудника ИИМК РАН, доктора исторических наук Юрия Алексеевича Виноградова, включены статьи, подготовленные его друзьями и коллегами. Они посвящены актуальным проблемам и новейшим исследованиям в области античной археологии, истории и культуры. Многие материалы, полученные в результате изучения античных городов, поселений и погребальных памятников, впервые вводятся в научный оборот. В специальные разделы сборника вошли работы по нумизматике, эпиграфике и античной керамике. В выпуске представлена также статья, касающаяся истории отечественной археологической науки в сложный период сталинских репрессий. Среди авторов — ученые из России, Украины, Великобритании, Германии и Румынии.

The current issue of the “Arkheologicheskie Vesti” (Archaeological News) is devoted to the seventieth anniversary of the leading researcher of the Institute for the History of Material Culture RAS, Doctor of History Yury Alekseevich Vinogradov. It includes papers prepared by his friends and colleagues. They focus on the actual problems and newest researches in the field of ancient archaeology, history and culture. Many materials obtained as a result of studying of ancient towns, settlements and burials are published for the first time. Special sections of this compilation include papers on numismatics, epigraphy and classical pottery. This issue also contains a paper on history of Russian archaeological science at a difficult period of Stalin’s repressions. Papers were written by scientists from Russia, Ukraine, Great Britain, Germany and Romania.

На первой странице обложки — лекиф краснофигурный; Древняя Греция, вторая половина IV в. до н. э.; Крым, окрестности Керчи, некрополь Пантикапея; глина, рельеф, краснофигурная роспись, черный лак; высота: 37 см; инв. № П.1837-2 (фото В. С. Теребенина). © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2020
First page of cover — red-figure lekythos; Ancient Greece, second half of the 4th century BC; Crimea, outskirts of Kerch, necropolis of Pantikapaion; clay, relief, red-figure technique, black glaze; height 37 cm; inv. no. 1837-2 (photo by V. S. Terebenin). © State Hermitage Museum, Saint-Petersburg, 2000

На последней странице обложки — лагерь археологов на поселении Артющенко I на Тамани (фото Ю. А. Виноградова)
Fourth page of cover — archaeological camp at the settlement Artyuschenko I on Taman Peninsula (photo by Yu. A. Vinogradov)

Подписной индекс 80325

© Институт истории материальной культуры РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2020

Сельские поселения Азиатского Боспора: проблемы выявления и интерпретации по данным археологических разведок¹

А. В. Батасова²

Аннотация. Работа посвящена проблеме анализа и интерпретации данных археологических разведок. На примере памятника Солёный 3 на Таманском п-ве сравниваются подходы и результаты исследований, предпринятых в разные годы Я. М. Паромовым и Г. П. Гарбузовым. Представлена реконструкция и историческая интерпретация жизни на памятнике Солёный 3 в античное время. Проведенное сравнение методик археологических разведок позволяет сделать вывод о природе выявляемых в их результате областей скопления подъемного материала и о возможностях их исторической интерпретации.

Annotation. This work is devoted to a problem of analysis and interpretation of data of archaeological explorations. Based on an example of the Solyonyj 3 site on the Taman Peninsula, the approaches and results of studies made over the years by Ya. M. Paromov and G. P. Garbuzov are compared. The reconstruction and the historical interpretation of life at the Solyonyj 3 site in the Ancient World are submitted. The comparison of methods of archaeological explorations allows us to make a conclusion about a nature of artefactual remains revealed as a result of these archaeological explorations and about possibilities of their historical interpretation.

Ключевые слова: Азиатский Боспор, сельские поселения, археологические разведки, анализ подъемного материала.

Keywords: Asiatic Bosphorus, rural settlements, archaeological explorations, analysis of surface remains.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-29-136-146

В соответствии с письменной традицией и данными археологии поселения разного ранга (города, деревни, усадьбы) являются ключевыми элементами системы греческого расселения (Hansen, 2003; Bintliff, 2006; Cavanagh, 2009; Bintliff, Snodgrass, 1998; и др.). Такая иерархически упорядоченная организа-

ция расселения прослеживается и на материалах Северного Причерноморья, в частности в Нижнем Побужье (Kryžickij, 2006. С. 105) и на Европейском Боспоре (Масленников, 2001. С. 82). Справедливо предположить, что данная схема применима также к территории Азиатского Боспора. К примеру, в работе «Археологическая карта Таманского полуострова» Я. М. Паромовым было учтено более 200 памятников, которые в большинстве случаев интерпретировались как «сельские поселения» либо «усадьбы» (Паромов, 1992). Однако предпринятые спустя несколько десятилетий исследования на хоре Фанагории

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0005 «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

² Отдел истории античной культуры, ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

поставили ряд вопросов о корректности данных Я. М. Паромова. В частности, допускалось многократное увеличение по сравнению с «Археологической картой...» числа сельских поселений (Гарбузов, 2010), что вносит существенные коррективы в картину греческого расселения на Таманском п-ве. Подобные расхождения вызывают сомнения в объективности результатов археологических разведок, следовательно, ограничивают изучение вопросов регионального масштаба, что зачастую невозможно без привлечения этой категории источников. На наш взгляд, понимание причин расхождения в оценках и исторической интерпретации одних и тех же участков разными исследователями поможет решить возникшую проблему. Для этого сравним между собой результаты трех эпизодов исследования археологического памятника Солёный 3 и его округи.

Обширное местонахождение археологического материала на окраине поселка Солёный было выявлено Я. М. Паромовым в 1983 г. Согласно его оценкам, здесь располагалось большое сельское поселение площадью около 60 га. В подъемном материале встречались фрагменты керамики с VI в. до н. э. по первые века нашей эры, а также находки средневекового времени. В структуре памятника выделялись несколько возвышенностей, где концентрировался материал (Паромов, 1992. С. 339–342).

В 2005 и 2008 гг. участок, включавший в себя территорию данного памятника, повторно обследовался Г. П. Гарбузовым. В результате его работ было выявлено десять областей скопления подъемного материала — «сайтов», два из которых находились за пределами границ памятника, очерченных Я. М. Паромовым. Кроме того, на основании пространственного распределения материалов разных хронологических периодов были созданы карты, отражающие динамику расселения на исследованной территории и его структуру на разных этапах (в пределах четвертей столетия). В частности, отмечалось, что выделенные «сайты» неравноценны по площадям и значениям частоты встречаемости подъемного материала. Также было

замечено, что во второй половине III в. до н. э. на данном участке имели место «структурная перестройка» и снижение интенсивности жизнедеятельности (Гарбузов, 2009; 2010). Это исследование, несомненно, представило более детальную картину жизни на Солёном 3 и в его округе, однако возможности ее исторической интерпретации ограничивались нерешенностью проблемы соотношения «сайтов» — мест концентрации подъемного материала — с реальными поселенческими структурами (Гарбузов, Завойкин, 2009. С. 171–172). Тем не менее полученные результаты позволяли говорить о развитии исследованного участка («поселенческой системы») в целом. Несмотря на признание вышеуказанной проблемы, в работе 2010 г. Г. П. Гарбузовым в качестве рабочей гипотезы было предложено, что в «большинстве своем сайты соответствуют элементам региональной поселенческой системы разных рангов и их площади хорошо коррелируют с „истинными“ площадями поселений» (Гарбузов, 2010. С. 446). На наш взгляд, возникшее разночтение может быть связано с многозначностью английского термина *site*, который может пониматься и как поселение, и как выявленное аналитическими методами скопление археологического материала (Dunnell, 1992). В результате остается неясным, что именно получено в ходе данного исследования: обобщенные представления о динамике жизни на участке, не соответствующие конкретным поселениям, или же, напротив, выявлен ряд новых поселений, что принципиально изменяет картину расселения в округе Солёного.

Существующее противоречие вызвало необходимость в повторном изучении данного памятника. В 2012–2013 гг. южная половина Солёного 3 была обследована разведочным отрядом Боспорской археологической экспедиции ГИМ и Евразийского отдела Германского археологического института под руководством автора данной статьи. В 2018 г. было произведено дистанционное зондирование участка, охваченного разведками в 2012–2013 гг., которое существенно дополнило результаты сбора материала (Журавлёв и др., 2019).

Рис. 1. Области повышенной концентрации материала на южном участке памятника Солёный 3 (по результатам сборов 2012–2013 гг.). Условные обозначения: а — границы обследованной территории, б — области повышенной концентрации находок

Fig. 1. Areas of elevated concentration of remains of the Southern part of the Solonyj 3 site (based on the results of collections of 2012–2013). Legend: а — borders of explored territory, б — regions of elevated concentration of finds

Сбор подъемного материала производился по участкам, размеры которых варьировались: области, слабо насыщенные керамикой, обследовались широкими площадями, места с повышенной концентрацией керамики дробились для получения более детальной картины. Координаты границы участков фиксировались с помощью GPS-трекера, и, в результате, была получена цифровая схема обследованной территории, послужившая основой для дальнейшего анализа. В ходе последующей обработки данных оценивалась плотность археологического материала на каждом участке (количество фрагментов керамики на кв. м) и производилось выделение областей с максимальной концентрацией

находок (от одного фрагмента на кв. м) — кластеров, или «сайтов»³. В результате были получены два кластера — в южной и в северной части обследованной территории, разделенные расстоянием примерно 150 м (рис. 1). Интересно, что северный кластер оказался приурочен к элементу рельефа, выявленному в ходе съемки 2018 г., — небольшому по площади клиновидному возвышению, от которого расходятся два отрезка древней дороги.

³ При описании процедуры и результатов исследований 2012–2013 и 2018 гг. используются термины «сайт» и «кластер» как синонимы, под ними понимается участок с повышенной концентрацией материала, соотношение которого с древними структурами необходимо исследовать дополнительно.

Рис. 2. Динамика жизни на Солёном 3 (южный участок). 1–6 — нумерация периодов. Условные обозначения: границы участков: *а* — участок, обследованный в 2012–2013 гг., *б* — участок, обследованный Г. П. Гарбузовым в 2005 и 2008 гг.; значения плотности подъемного материала: *в* — низкие, *г* — средние, *д* — высокие; временные промежутки: *е* — III–II вв. до н. э., *ж* — II в. до н. э., *з* — I в. до н. э. — I в. н. э., *и* — I в. н. э., *к* — II–III вв. н. э.

Fig. 2. Life dynamic of Solonyj 3 (southern part). 1–6 — numbering of periods. Legend: borders of the site parts: *a* — part explored in 2012–2013, *b* — part explored by G. P. Garbuzov in 2005 and 2008; density of artefactual remains: *v* — low, *z* — medium, *d* — high; time intervals: *e* — 3rd–2nd centuries BC, *ж* — 2nd century BC, *з* — 1st century BC–1 century AD, *и* — 1st century AD, *к* — 2nd–3rd centuries AD

В результате картографирования областей повышенной концентрации керамики в разные хронологические периоды было установлено, что северный и южный «сайты» существовали синхронно на протяжении V–III вв. до н. э. При этом максимальная интенсивность жизнедеятельности характерна для V–IV вв. до н. э., а количество материала III в. до н. э. на обоих участках невелико (рис. 2, 2–5). Стоит отметить, что границы южного кластера более стабильны, в то время как на северном область повышенного скопления материала в течение V–III вв. до н. э. постепенно смещалась сначала на север, а после на восток (рис. 2, 3–5). Материал последних веков до нашей эры — первых веков нашей эры встречался разрозненно на всей территории

памятника и не образовывал каких-либо устойчивых пространственных структур (рис. 2, 6), что позволяет говорить, вслед за Г. П. Гарбузовым, о перестройке в этот период «поселенческой системы», а вероятнее всего — об исчезновении стационарных поселенческих форм. Однако стоит заметить, что на территории памятника имеются весьма яркие находки последних веков до нашей эры (Шедевры..., 2011. С. 290–293; Абрамзон, Кузнецов, 2015. С. 60–61), которые свидетельствуют, вероятно, о спорадических посещениях этого участка.

Таким образом, на обследованной территории были выявлены два «сайта» — участки с повышенной концентрацией подъемного материала, относящегося преимущественно

Рис. 3. Состав и количество неамфорных находок в подъемном материале, собранном на памятнике Солёный 3 в 2012–2013 гг. Условные обозначения: а — южный «сайт», б — северный «сайт»

Fig. 3. Composition and number of non-amphorae finds in the artefactual remains collected at the Solyonyj 3 site in 2012–2013. Legend: а — Southern “site”, б — Northern “site”

к V–III вв. до н. э. Для выяснения природы этих «сайтов» обратимся к функциональному анализу материала, то есть к находкам, указывающим на характер застройки участка (черепица), и к индикаторам различных видов человеческой деятельности: хозяйственной, ремесленной и культовой активности (рис. 3). Черепица встречается на всей территории памятника, но ее максимальная концентрация зафиксирована в границах выделенных нами «сайтов», особенно на южном, что явно указывает на существование крытых построек. Также на южном «сайте» гораздо чаще встречаются фрагменты кухонной и столовой керамики, в то время как на северном зафиксированы находки фрагментов чернолаковой керамики и миниатюрного сосуда⁴. Индивидуальные находки происходят преимущественно с южной части

обследованной территории, при этом непосредственно на площади южного «сайта» были встречены рыболовное и ткацкое грузило, фрагмент терракотовой статуэтки. Фрагмент второй терракотовой статуэтки и обломок зернотерки были найдены несколько западнее. Таким образом, на южном сайте и в его окрестностях зафиксированы индикаторы целого спектра активностей (земледелия, рыболовства, домашнего ремесла, культовых практик). Кроме того, можно довольно уверенно говорить о наличии крытых построек. Все эти признаки характерны для стационарного поселения. Что касается северного «сайта», здесь стоит отметить следующие особенности: слабо представлена хозяйственная активность (практически отсутствует кухонная и столовая керамика), имеются единичные фрагменты чернолаковой керамики и миниатюрных сосудов. На поверхности участка встречались, главным образом, фрагменты амфор и кувшинов, однако общее количество находок по сравнению с южным «сайтом» невелико. Учитывая это, а также его параллельное существование с поселением, которому,

⁴ Стоит отметить, что количество подобного материала исчисляется несколькими фрагментами, поэтому одно лишь его присутствие на участке не может являться основой для его интерпретации, однако в комплексе с другими признаками эти находки могут способствовать решению данной задачи.

вероятно, соответствует южный «сайт», и постепенное смещение со временем области концентрации находок, можно предположить, что в северной части обследованной территории располагался некрополь античного времени⁵.

В результате проведенного анализа была получена следующая картина: единичные находки фрагментов амфор третьей четверти VI в. до н. э. указывают на греческое присутствие здесь как минимум со второй половины VI в. Форма освоения территории в это время остается неясной ввиду незначительного количества материала. Однако имеются признаки того, что с V в. до н. э. на данном месте существовали стационарное поселение и сопутствующая структура (некрополь?). Возможно, помимо этого в округе поселения были и другие кратковременные структуры, например, прослеженный на карте плотности археологического материала V в. до н. э. кластер, находящийся к востоку от северного участка, природа которого неясна. Подобные локации-спутники могли возникать в связи с перемещением некоторых аспектов хозяйственной и других активностей за пределы территории поселения. Основные же элементы поселенческой системы данного участка, соответствующие северному и южному «сайтам», существовали, вероятно, в течении V–III вв. до н. э. В последние века до нашей эры поселение и сопутствующие ему структуры, видимо, прекратили свое существование. Несмотря на признаки спорадического человеческого присутствия на данном участке в последние века до нашей эры — первые века нашей эры, о каких-то стационарных формах заселения в данном случае говорить затруднительно.

Таким образом, в нашем распоряжении имеются результаты трех эпизодов изучения

памятника Солёный 3, которые сходятся в одном: общая хронология памятника в античный период укладывается в рамки со второй половины VI столетия вплоть до первых веков нашей эры. Кроме того, как в ходе работ Г. П. Гарбузова, так и в ходе исследований 2012–2013 гг. был отмечен спад интенсивности жизнедеятельности на данной территории и структурные перестройки в поселенческой системе, приходящиеся на вторую половину III в. до н. э. — последние века до нашей эры. Всё это, несомненно, указывает на некоторые объективные характеристики данного памятника, которые не зависят от методов и личного восприятия исследователей. Во всех остальных аспектах — структуре данного участка и интерпретации кластеров — мнения разнятся. Причина подобных расхождений, на наш взгляд, заключается в методических подходах к археологическим разведкам, которым следуют те или иные авторы.

Так, исследования Я. М. Паромова соответствуют «сайт»-ориентированной модели равномерного распределения (Uniformed model), основной задачей которой является поиск нуклеарных поселенческих структур, определение их границ и хронологии (Banning, 2002. Р. 14–15). В соответствии с этим направлением в ходе исследования Солёного 3 были очерчены обобщенные границы распространения археологического материала, который был затем датирован. Что касается внутренней структуры памятника, можно предположить, что области скопления материала были определены условно, на основании полевых наблюдений, а не аналитической обработки данных. На это указывает количество находок, приведенное в «Археологической карте...» (113 фрагментов), что недостаточно для построения областей концентрации материала на площади в 60 га. Кроме того, отметим, что античные памятники Азиатского Боспора имеют ряд черт, способных исказить картину, получаемую при данном подходе. Это, во-первых, длительное время освоения территории, за которое сама поселенческая система могла сильно трансформироваться. Как следствие, определяемые таким

⁵ Схожая топографическая ситуация прослежена на некрополе Артющенко II, а именно расстояние между границей некрополя и поселения в пределах 150 м и смещение площади некрополя в направлении с юго-запада на северо-восток (Кашиев, 2013. С. 53; 2019. С. 102). Состав керамических находок из северного «сайта» Солёного 3 также в общих чертах не противоречит составу находок из погребений и остатков тризн, обнаруженных на Артющенко II (Кашиев, 2019. С. 103, 110).

методом границы памятника — это совокупные границы всех этапов жизни на нем, от стационарных поселений до спорадического присутствия человека. Во-вторых, многие античные памятники интенсивно распахиваются, что приводит к перемещению материала и увеличению области его распространения (см.: *Yorston et al.*, 1990). В связи с этим о «поселениях» из «Археологической карты...» Я. М. Паромова корректней говорить как о *местонахождениях* подъемного материала, которые *могут быть ассоциированы* с поселениями. Наличие поселений на территории выявленных Я. М. Паромовым памятников подтверждается результатами раскопок таких памятников, как Приазовский 4, Береговой 2, Волна 1, Ахтанизовская 2, Голубицкая 2 и др.

Сплошные разведки, проводившиеся Г. П. Гарбузовым, как правило используются с целью поиска даже самых незначительных местонахождений подъемного материала, для получения более подробной картины жизни людей не только в границах стационарного поселения, но и в его округе (*Banning*, 2002). В соответствии с данным подходом была обследована обширная территория (135 га), на которой был собран представительный подъемный материал (929 датирующих фрагментов из 10 904)⁶. Далее были определены кластеры и межкластерное пространство. Границей между ними было принято значение плотности археологического материала в среднем 0,3–0,5 фрагментов на кв. м, что привело к выделению большого количества местонахождений, существенно различающихся по площадям, количеству подъемного материала и его плотности. Следующим этапом этой методики должно являться установление природы областей концентрации подъемного материала и их взаимосвязи с древними элементами системы на основании сравнения состава подъемного материала в кластерах и межкластерном пространстве и функционального

анализа находок (*Dunnell, Dancey*, 1983. С. 273–274). Данный этап отсутствует в исследовании Г. П. Гарбузова, и вместо этого предлагается априори считать большинство выделенных локаций древними поселениями. Из этого предположения вытекает, что сравнительно небольшая территория в округе поселка Солёный была очень плотно населена. Здесь должно было располагаться по меньшей мере 4–5 поселений. Такая концентрация могла бы объясняться тем, что они существовали в разное время, сменяя друг друга или существуя на некоторых отрезках параллельно. Однако совмещенные данные о хронологии «сайтов» и количестве материала, относящегося к каждому из периодов, указывают на синхронность их жизни, что, скорее, соответствует системе центр — периферия, нежели совокупности поселений, где каждое имеет собственную округу (рис. 4). В целом они все укладываются в общие рамки со второй половины VI до середины III в. до н. э.

Сопоставление динамики жизни на «сайтах», выделенных Г. П. Гарбузовым и выделенного нами южного «сайта» («поселения»), позволяют также сделать следующее наблюдение. Как уже говорилось, в последние века до нашей эры стационарное поселение (южный «сайт»), видимо, прекратило свое существование, но некоторое количество материала этого времени всё же было собрано на его площади и в округе. В пересчете по предложенной Г. П. Гарбузовым методике даже такое небольшое количество керамики дает в сравнении с выделенными им «сайтами» весьма высокий показатель, позволяющий говорить о существовании здесь области концентрации материала, а следовательно, по логике исследователя, и поселения (рис. 4). Показатели лишь пары «сайтов» несколько превышают уровень «спорадического посещения», а при сравнении «взвешенных» значений даже они сливаются с общим фоном (рис. 4, Б)⁷. Всё это указывает на то, что

⁶ Отметим, что в ходе разведок 2012–2013 гг., несмотря на то что была обследована в четыре раза меньшая площадь, на ней было собрано 1113 датирующих фрагментов керамики.

⁷ На основании этих данных можно сделать вывод, что все выделенные Г. П. Гарбузовым «сайты» являются лишь случайными образованиями, что, на наш

Рис. 4. Динамика жизни на Солёном 3 по результатам работ 2005, 2008 и 2012–2013 гг.: А — «невзвешенные» значения; Б — «взвешенные» значения. Условные обозначения: «сайты» 2005–2008 гг.: 1–9 — «сайты» 1–9; «сайт» 2012–2013 гг.: 10 — южный «сайт» («поселение»)

Fig. 4. Life dynamic of Solyonyj 3 based on the results of excavations of 2005, 2008 and 2012–2013. А — “unweighed” values; Б — “weighed” values. Legend: “sites” 2005–2008: 1–9 — “sites” 1–9; “site” 2012–2013: 10 — Southern “site” (“settlement”)

наличие археологического материала на некотором участке свидетельствует лишь о факте человеческого присутствия, но не может без дополнительного анализа соотноситься с конкретными формами освоения.

Соответственно, вопреки предположению Г. П. Гарбузова о том, что большинство выделенных им «сайтов» являются поселениями, вероятнее всего, в своем большинстве они представляют лишь скопления материала, возникшие в ходе разного рода активностей или образовавшиеся случайно⁸.

Всё вышесказанное не означает, что необходимо отказаться от поиска небольших

взгляд, маловероятно. Скорее всего, сильная разница в оценках «невзвешенных» и «взвешенных» значений связана с несовершенствами самой методики расчета.

⁸ Как отмечает Р. Даннелл, специфика формирования подъемного материала и его перемещения позволяет говорить о том, что лишь многократно зафиксированные кластеры указывают на объективное существование древних структур (Dunnell, 1992. Р. 27).

«сайтов». Напротив, получение данных о различных локусах активности обогащает наши знания и представления об организации жизни, локальной структуре и иерархии расселения в разные исторические периоды. Однако, на наш взгляд, необходимо более строго подходить к критериям их выделения, а тем более к исторической интерпретации.

Возвращаясь к вопросу, поставленному в начале данной статьи, отметим, что по итогам археологических разведок и Я. М. Паромова, и Г. П. Гарбузова были выявлены (с разной степенью обобщенности) *местонахождения* археологического материала, которые указывают на потенциальные зоны, освоенные человеком в тот или иной период. Проверка объективности и интерпретация выявленных кластеров, или «сайтов» является задачей следующего уровня анализа, которая должна решаться на каждом конкретном участке с применением более обширного комплекса признаков, в том числе с учетом состава собранного материала.

Абрамзон, Кузнецов, 2015 — Абрамзон М. Г., Кузнецов В. Д. Монетные клады времени Митридата VI Евпатора с хоры Фанагории. Фанагория. Результаты археологических исследований / Под общ. ред. В. Д. Кузнецова. М.: Институт археологии РАН, 2015. Т. 3. 382 с.

Гарбузов, 2009 — Гарбузов Г. П., Завойкин А. А. Античная сельская территория: формальное описание и возможности исторической интерпретации // Древности Боспора. 2009. Вып. 13. С. 141–175.

Гарбузов, 2010 — Гарбузов Г. П. Оценка площадей античных сельских поселений в округе Фанагории // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. Вып. 1 (27). С. 444–457.

Гарбузов, 2013 — Гарбузов Г. П. Комплексные археологические исследования в округе Фанагории. Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 1 // Фанагория. Результаты археологических исследований / Под общ. ред. В. Д. Кузнецова. М.: ИА РАН, 2013. Т. 1. С. 178–191.

Журавлёв и др., 2019 — Журавлёв Д. В., Батасова А. В., Шлотцауэр У., Курков В. М., Скрипичина Т. Н., Князь В. А., Кудряшова А. И., Кобзев А. А., Мишка К. Новые данные о структуре античных памятников Азиатского Боспора (по данным дистанционного зондирования) // XX БЧ. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований: Материалы МНК / Сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь: ИП Кифиди Г.И., 2019. С. 193–200.

Кашаев, 2013 — Кашаев С. В. О топографии развития некрополя Артюшенко-2 // Четвертая Абхазская Международная археологическая конференция. Кавказ и Абхазия в древности и в средневековье: взаимодействие и преемственность культур: ТД / Ред. коллегия: А. И. Габелия, А. И. Джонуа, Г. А. Сангулия, Р. М. Барцыц. Сухум: Абхазский ин-т гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АН Абхазии, 2013. С. 52–53.

- Каашаев, 2019 — Каашаев С. В. Раскопки некрополя Артющенко-2 в 2014–2018 гг. // Археологические вести. 2019. Вып. 25. С. 101–112.
- Масленников, 2001 — Масленников А. А. Сельские поселения Европейского Боспора (Некоторые проблемы исследований) // БИ. 2001. Вып. 1. С. 75–101.
- Паромов, 1992 — Паромов Я. М. Археологическая карта Таманского полуострова. М., 1992. Деп. в ИНИОН РАН. 01.10.1992. № 47103.
- Шедевры..., 2011 — Шедевры античного искусства из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина / Ред. Л. И. Акимова, О. В. Тугушева, В. П. Толстиков и др. М.: ГМИИ им. А. С. Пушкина, 2011. 476 с.
- Banning, 2002 — Banning E. B. Archaeological survey. New York [u. a.]: Kluwer Academic/Plenum Publishers, 2002. 273 с.
- Bintliff, 2006 — Bintliff J. Issues in the economic and ecological understanding of the chora of the Classical polis in its social context: a view from the intensive survey tradition of the Greek homeland // Black Sea Studies. Vol. 4. Surveying the Greek chora. Black Sea region in a comparative study / Eds. P. G. Bilde, V. Stolba. Aarhus: Aarhus Univ. Press, 2006. P. 13–26.
- Bintliff, Snodgrass, 1998 — Bintliff J., Snodgrass A. Mediterranean survey and the city // Antiquity. March 1998. Vol. 62. P. 57–71.
- Cavanagh, 2009 — Cavanagh W. Settlement structure in Laconia and Attica at the end of the archaic period: The fractal dimension // American Journal of archaeology. July 2009. Vol. 111, no. 3. P. 405–421.
- Dunnell, 1992 — Dunnell R. C. The notion site // Ed. by J. Rossignol, LuA. Wandsnider. Space, time and archaeological landscapes. New York; London: Plenum press, 1992. P. 21–41.
- Dunnell, Dancey, 1983 — Dunnell R. C., Dancey W. S. The Siteless survey: a regional scale data collection strategy // Advances in archaeological method and theory. Vol. 6 / Ed. M. B. Schieffer. New York [et al.]: Academic Press, 1983. P. 267–287.
- Hansen, 2003 — Hansen M. H. 95 Theses about the Greek “Polis” in the archaic and classical periods. A report on the results obtained by the Copenhagen Polis Centre in the period 1993–2003 // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. 2003. Bd. 52, H. 3. P. 257–282.
- Kryžickij, 2006 — Kryžickij S. D. The rural environs of Olbia: some problems of current importance // Black Sea Studies. 4. Surveying the Greek chora. Black sea region in a comparative perspective / Eds. P. G. Bilde, V. F. Stolba. Aarhus: Aarhus University press, 2006. P. 104.
- Yorston et al., 1990 — Yorston R. M., Gaffney V. L., Reynolds P. J. Simulation of artefact movement due to cultivation // Journal of archaeological science. 1990. Vol. 17, no. 1. P. 67–83.

Rural settlements of Asiatic Bosphorus: problems of detection and interpretation of data of archaeological explorations

A. V. Batasova

This work is devoted to a problem of analysis and interpretation of data of archaeological explorations. Based on the example of the Solyonyj 3 site on the Taman Peninsula (Fig. 1), the approaches and results of studies made over the years by Ya. M. Paromov and G. P. Garbuzov are compared. The reconstruction and the historical interpretation of life at the Solyonyj 3 site in the Ancient World are submitted. In the structure of the monument there are two regions (“sites”) with the maximum density of the artefactual remains (Fig. 2). The time of functioning of these structures was determined based on

the dating of the material: 6th–3rd centuries BC. The analysis of the composition of the artefactual remains (Fig. 3) allowed us to assume that there was an ancient settlement at the Northern part of the Solyonyj 3 site and there was a necropolis of this settlement at the Southern part of the site. The results obtained after the examination of this monument by Yu. M. Paromov and G. P. Garbuzov at some aspects coincide with our conclusions. The main difference is the historical interpretation of discovered regions of the surface remains which are often interpreted as settlement structures *a priori*. Meantime, it is necessary to make the functional analysis of the composition of the surface remains to make such conclusions. It can shed light on the nature of the “sites”.